

Та молчаливая конфронтация, что произошла в кабинете, легла незримой трещиной между Линь Янем и Се Юньшэнем.

Линь Янь заперся в своей комнате и не выходил целый день. Он отказался от еды, которую приносил дядя Чжоу, и лишь сжался в углу кровати, раз за разом прокручивая в голове ту холодную заметку о пожаре и слишком спокойное выражение лица Се Юньшэня, когда тот поднял газету.

Это не совпадение. Такого просто не может быть.

Се Юньшэнь всё знал. Он не просто был в курсе дела Линь Ваня и того пожара — возможно, он знал даже больше. Все те стертые следы, все те удачно подвернувшиеся препятствия вели к пугающему выводу: Се Юньшэнь намеренно и систематически что-то скрывал, и эта скрытая правда, скорее всего, была неразрывно связана с прошлым самого Линь Яня.

Страх ледяными вьюнами обвивал сердце, но еще сильнее страха была ярость и унижение от осознания того, что его держали за дурака, за несмышленного питомца. То, что он всегда считал спасением, с самого начала могло быть тщательно спланированным заточением.

К вечеру в дверь тихо постучали.

— Янь-янь, — голос Се Юньшэня донесся из-за двери, по-прежнему мягкий, с едва уловимыми нотками уговора. — Выходи поесть, хорошо? Ты весь день ничего не ел.

Линь Янь не ответил, лишь глубже зарылся лицом в колени.

За дверью на мгновение воцарилась тишина, а затем послышался звук ключа, вставленного в замочную скважину, и легкий щелчок.

Линь Янь резко поднял голову. Он что... открыл дверь своим ключом?

Дверь отворилась. Се Юньшэнь стоял на пороге с подносом, на котором дымились рисовая каша и закуски. Он был в домашней одежде, его лицо в свете коридорной лампы казалось бледным, а в глазах читалась выверенная дозировка усталости и беспокойства — он выглядел как родитель, измученный капризами ребенка.

— Не шути так со своим здоровьем. — Он вошел, поставил поднос на прикроватную тумбочку и присел на край кровати, потянувшись рукой к его лбу.

Линь Янь резко отпрянул, избегая прикосновения, и уставился на него взглядом испуганного, но полного враждебности зверька.

Рука Се Юньшэня замерла в воздухе. Он смотрел на нескрываемую настороженность и подозрение в глазах юноши, и беспокойство на его лице постепенно уступало место глубокому, непостижимому спокойствию.

— Похоже, те старые газеты показали тебе то, чего видеть не стоило. — Он убрал руку и произнес это ровным тоном, не отрицая, не оправдываясь и даже не выказывая ни тени замешательства от того, что его разоблачили.

Он признался!

Сердце Линь Яня словно сжали в тиски. Он едва выдавил из себя слова:

— Ты всё знал! Ты знал о Линь Ване! Ты знал об этом пожаре! Ты всё это время лгал мне!

Голос его дрожал от возбуждения, в нем слышались рыдания, но он изо всех сил старался не дать слезам пролиться.

Се Юньшэнь молча смотрел на него — на раскрасневшееся от гнева и обиды лицо, на блестящие в глазах слезы, на то, как он пытался казаться грозным, оставаясь при этом таким беззащитным. Спустя долгое время он вдруг тихо усмехнулся.

Смех был тихим, но в нем сквозило что-то странное, от чего по спине пробежал холодок.

— Да, я знал. — Он признал это прямо и решительно. Его глубокие глаза, словно бездонный холодный омут, намертво приковали к себе Линь Яня. — Я знал о Линь Ване и знал о том пожаре. И я также знал, что Линь Вань — твоя мать.

Мать...

Эти два слова, словно окончательный приговор, тяжело ударили по сердцу Линь Яня. Хотя догадки были и раньше, услышать подтверждение из уст Се Юньшэня было невыносимо — он мгновенно лишился всех сил, а лицо его стало бледным, как бумага.

— По... почему? — Голос охрип, он едва мог выговорить предложение. — Почему ты не сказал мне? Почему скрыл? Зачем... зачем ты вообще меня усыновил?

Из жалости? Или из-за чувства вины?

Последняя мысль, подобно ядовитой змее, вонзилась в сознание, заставив его содрогнуться.

Се Юньшэнь не ответил сразу. Он встал, подошел к окну и, повернувшись к Линь Яню спиной,

установился в густую ночную тьму. Его фигура была статной, но тонкой, и в ночи казалась одинокой.

— Что тебе сказать? — Его голос донесся сквозь темноту, отдавая холодом. — Что твоя мать погибла в результате несчастного случая? Или что ты давным-давно остался в этом мире совсем один?

Он медленно повернулся. Неоновые огни за окном отбрасывали на его лицо переменчивые блики, отчего его мягкие черты приобрели некое подобие зловещности.

— Я усыновил тебя, потому что хотел этого. — Тон его вернулся к привычной, не терпящей возражений мягкости, но в глубине глаз бурлило темное, как чернила, течение, которого Линь Янь никогда прежде не видел. — Я дал тебе дом, дал лучшую жизнь, чтобы тебе больше не пришлось скитаться и бороться за существование. Разве этого недостаточно?

Он шаг за шагом подошел к кровати и склонился над сжавшимся в углу Линь Янем. Его взгляд ощущался почти физически, давя своей тяжестью.

— Прошное осталось в прошлом, Янь-янь. Те болезненные, неприятные воспоминания лучше забыть. — Он протянул руку. На этот раз он не касался Линь Яня, а просто завис над ним ладонью вверх, словно в ритуале ожидания принятия. — Тебе нужно помнить только о настоящем. Обо мне. Я буду защищать тебя, заботиться о тебе, дам тебе всё, чего ты захочешь. В твоём мире достаточно будет и меня одного.

Его слова оставались нежными, но напоминали прочнейшие оковы, которыми он пытался сковать и мысли Линь Яня.

Линь Янь смотрел на него — на человека, от которого был безмерно зависим и которого считал целым миром, — и теперь тот казался ему пугающе чужим.

То добро, что он давал, было построено на лжи и сокрытии. Дом, который он создал, был лишь изящной клеткой, лишившей его прошлого и будущего.

— Недостаточно... — Линь Янь замотал головой, и слезы наконец хлынули из глаз, но свет в его взгляде не погас — напротив, омытый слезами, он стал еще яснее и упрямее. — Это моя жизнь... моя мать... ты не можешь... ты не имеешь права просто так забрать всё это...

Рука Се Юньшэня, зависшая в воздухе, медленно сжалась в кулак. Чернота в глубине его глаз стала еще гуще, готовая выплеснуться наружу. Он смотрел на слезы Линь Яня, на его не желающий покориться, полный ненависти взгляд, и в его груди столкнулись ярость и собственничество.

Но в конце концов он сдержался.

Он медленно, крайне медленно опустил руку. Его лицо вновь покрыла маска безупречной нежности, под которой, однако, скрывалось холодное предупреждение.

— Ты еще поймешь, Янь-янь, — прошептал он, словно любовник, но в этом шепоте сквозил леденящий душу холод. — В этом мире только я по-настоящему добр к тебе. И только я могу дать тебе всё самое лучшее.

Он больше не давил, развернулся, взял остывшую миску с кашей и протянул её Линь Яню. Его тон снова стал мягким, будто того потрясшего их разговора никогда не было.

— Поешь, хорошо? Ты выглядишь очень плохо.

Линь Янь посмотрел на миску, затем на нежную улыбку Се Юньшэня, и его желудок скрутило от тошноты.

Он понял: он сорвал один слой маски, но увидел под ней другой — еще более глубокий и холодный.

А он всё так же оставался заперт в центре этой огромной, нежной сети, из которой не было выхода.

<http://bllate.org/book/18641/1795296>